

АННОТАЦИЯ

(согласно ст. 65 ПРАСПУ, в том числе самооценка научного вклада)

**публикаций гл. асс. д-р Атанаски Славчевой Гошевой,
представленных для участия в конкурсе на академическую должность „доцент”**

Область высшего образования 2. Гуманитарные науки,
профессиональное направление 2.1. Филология (Славянские языки – Историческая лингвистика),
конкурс объявлен в Государственной газете, номер 57, от 26 июня 2020 г., с. 83 / 647.

Области научной квалификации и моих профессиональных интересов – сравнительно-историческое языкознание, историческая грамматика русского и болгарского языков, история русского и болгарского литературных языков, церковнославянский язык, история болгарской и русской христианской культуры, лингвокультурология, лексикография, лексикология.

Для участия в объявленном конкурсе представлены **1 монография** (хабилитационный труд обсужден на расширенном заседании кафедрды 18.12.2018 г.), **1 опубликованная книга** на базе защищенного диссертационного труда на соискание образовательной и научной степени „доктор“ (2009 г.), **1 научно-исследовательская работа** и **1 словарь-индекс**, являющиеся частью публикации Рильской переработки „Истории славяноболгарской“, включающей исследования, фототипное издание рукописи, перевод на современный болгарский язык, научные заметки и индекс топонимов, этнонимов и антропонимов (2018 г.) и **15 статей** (и докладов) в сборниках и периодических изданиях (общее число – **46**). Все представленные научные материалы опубликованы после защиты диссертации и не повторяют публикации предыдущей процедуры. Акценты и научный вклад будут сгруппированы по проблемным сферам в зависимости от отобранных здесь работ.

За пределами представленных остаются опубликованные статьи и доклады по проблемам фразеологии, сопоставительной лексикографии, деловой коммуникации; рецензии.

I. ХАБИЛИТАЦИОННЫЙ ТРУД – МОНОГРАФИЯ

Рилската преправка (1825 г.) и преписите от Рилската редакция на „История славянобългарска“ (текстология и език). Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2020, 621 с. **Print ISBN 978-619-202-546-5** // Рильская переработка (1825 г.) и списки Рильской редакции „Истории славяноболгарской“ (текстология и язык)

Исследование организовано вокруг круга списков, образующих текстовую и в большой степени языковую семью, в центре которой стоит *Рильская переработка (Рил)*. Составленная в 1825 г. в Рильском монастыре монахом Паисием Николаевичем рукописная книга дает начало компиляциям (переработкам, переделкам) „Истории славяноболгарской“ и становится протографом *Поп-Иоановой переработки (ПИ)* 1830 г., *Первой Харитоновой переработки (Х1)* 1831 г., *Второй Харитоновой переработки (Х2)* того же 1831 г. и *Герова списка (НГ)* середины

XIX в. Этот круг рукописей по месту возникновения первоисточника (Рильский монастырь) и принадлежности составителя Паисия Николаевича к Рильской братии может быть обособлен в т. наз. **Рильскую редакцию „Истории славяноболгарской“**.

Сравнение и описание письменных памятников **Рильской редакции** осуществляется на базе комплексного текстологического и лингвистического анализа, причем текстологическое исследование следует основным принципам, разработанным в трудах Д. С. Лихачева, а языковые особенности рассматриваются в контексте книжноязыковой ситуации в Болгарии в конце XVIII и первой половине XIX в. путем сравнения с языком Паисия Хилендарского, Спиридона Рильского и других книжников эпохи Возрождения.

В **Введении** (с. 7-35) представлен механизм работы, определены цели исследования, дефинированы понятия *список*, *переработка* и *редакция* „Истории славяноболгарской“, даны краткая характеристика источников исследования и обзор публикаций, посвященных исследуемым рукописям.

Многочисленные письменные памятники, в основе которых лежит *История* Паисия, являются свидетельством ее актуальности и широкого распространения во время Возрождения. Изыскание и изучение списков начинается еще до Освобождения, появление новых изданий, исследований и дискуссий продолжается и в XXI веке. Одним из самых активных путей распространения слова Паисия в XIX в. становятся т. наз. переработки, в которых „История славяноболгарская“ не только переписывается, но также перерабатывается в различной степени путем дополнения из других исторических источников, отстранения или размещения отдельных ее частей. Каждая следующая переработка вносит изменения в содержание и форму, чтобы ответить на возросшее самосознание болгар, удовлетворить их потребности в знании об их прошлом. Пользуясь широкой популярностью в эпоху Возрождения, переработки представляют собой важный этап в литературноисторическом и книжноязыковом развитии, что предопределяет и незатихающий с течением времени научный интерес к ним.

Воспринятое в работе разграничение терминов *список* и *переработка* основано на ясных различительных признаках, сформулированных М. Крыстевой: 1) рукописи представляют собой различные в жанровом отношении сочинения – протографом списков является оригинал Паисия Хилендарского, а в переработках добляется еще протограф Спиридоновой „Истории во кратце“; 2) имеют различную хронологию возникновения и распространения – с 1768 до 1825 г. появляются только списки (их составление продолжается и после этого), а начало переработок относится к 1825 г., причем их активное распространение продолжается до конца XIX в.; 3) вступают в различные генеалогические связи и занимают различное место в общей родословной Паисиевой *Истории*. Систематический метод структурирования и иерархизации списков и переработок впервые разрабатывает Илия Тодоров, он вводит в паисиеведение и термины *редакция* и *компилятивная редакция*. Начало компилятивной редакции поставлено *Рил*, которая становится первоосновой всех следующих компиляций. В основе компилятивных редакций лежат различные текстологические версии и языковые характеристики рукописей. **Рильская редакция** является первой компилятивной редакцией „Истории славяноболгарской“, включающей рукописи, которые имеют точно определенное место и занимают точно

определенную позицию в иерархии, составляя ее родословное древо. Из исследованных рукописей настоящей переработкой является только сочинение Паисия Рильского, а *ПЙ*, *XI*, *X2* и *НГ* – списками *Рил*. Частое использование термина *переработка* в названиях этих рукописей продиктовано установившейся в их описании научной традицией.

Текстологическое и языковое исследование рукописей **Рильской редакции** следует объективной логике и естественной последовательности согласно поставленным в научной разработке целям.

В **Первой главе** (*Рильская переработка „Истории славяноболгарской“ – источники и редакция* – с. 36-228) всесторонний анализ *Рил* структурирован в 4 раздела. **Первый раздел** отведен палеографическим особенностям, структуре и содержанию рукописи, а во **втором разделе** выявлены принципы, которыми руководствовался книжник при составлении компилятивного сочинения. Детальное сопоставление *Рил* с текстом двух ее основных источников показывает, что в основе компилятивной редакции „Истории славяноболгарской“ лежит текст Паисия, повествующий о царях и владельцах двух болгарских государств до падения Болгарии под турецким рабством, о славянских учителях и крещении болгар, русских и сербов, о болгарских святых и первых патриархах. Из *Истории* Спиридона компилятор включает в свой рассказ представление о прародителе и далеком прошлом болгарского рода, порожденное идеями иллиризма, сведения о мифических болгарских королях, которые занимают недостающие звенья в исторической цепи от библейского времени до хронографических источников, как и повествование о событиях после турецкого нашествия.

В ряде эпизодов автор *Рил* умело вплетает занятое из основных источников в свой собственный рассказ об истории, сокращая, размещая, добавляя и интерпретируя исторические события, подчиняя их своему замыслу и идее. Книжник не заимствует механически из того или другого исходного текста, а отбирает различные факты из обоих историографов, чтобы представить свое толкование хода истории. Способ отбора, различные акценты и отношение автора к историческим лицам и событиям свидетельствуют о собственном подходе, школовке, познаниях и исторической осведомленности. Совмещая достижения своих знаменитых предшественников, автор *Рил* предлагает новый, обогащенный рассказ о болгарском прошлом, отвечающий возросшим требованиям читателей первой половины XIX в. В духовно-просветительском подъеме первых десятилетий века патриотический заряд источников находит яркое и полноценное проявление в более широком представлении болгарских царей и мучеников за христианскую веру, в пламенной защите болгарского рода и языка.

Третий раздел посвящен текстологическому и языковому сопоставлению *Рил* и „Истории славяноболгарской“ по *Никифорову списку* (*Ник*) 1772 г. На базе сравнения трех рукописей (*Зографского черновика* 1762 г., *Самоковского списка* 1771 г. и *Никифорова списка* 1772 г.) приводятся убедительные доказательства, что именно *Ник* послужил основой компиляции. Несмотря на то, что следует основным моментам в тексте хилендарского историографа, извлеченных из различных частей его *Истории*, автор *Рил* умело комбинирует, обобщает, сокращает и добавляет, что превращает его повествование в самостоятельный рассказ, в оригинальное сочинение с собственной авторской трактовкой событий.

Творческое отношение компилятора видно не только в новой информации, отсутствующей в повествовании Паисия, но и в дополнениях в заимствованном из него тексте, которые уточняют, конкретизируют, вносят детали в повествование или акцентируют на событиях, выражают эмоциональное отношение автора к ним.

Доказательство о критическом отношении, а не механическом следовании источнику можно усмотреть в сокращении деталей, подробностей и уточнений второстепенного характера, не имеющих прямого отношения к повествованию или целостной концепции автора, в устранении повторений, неясных или непонятных слов, а также выражений, представляющих болгар в неблагоприятном свете. Множество событий и фактов переданы в *Рил* в обобщенном и сокращенном виде.

Несмотря на то, что остается в рамках славяноболгарского языка Паисия, *Рил* отличается специфическими языковыми особенностями, которые формируют собственный стиль изложения. На фонетико-орфографическом уровне перевес имеет ориентация к цсл. элементам. Наряду с использованием синонимов цсл. лексического фонда налицо также их замена общеболгарскими, присущими разговорному языку лексемами в рамках глаголов, имен, наречий, местоимений и союзов; вместо турцизмов в большинстве случаев предпочтение отдается славянской лексике. По отношению грамматических форм и конструкций тоже наблюдается „сосуществование“ традиционных и народно-разговорных языковых элементов. Компилятор заменяет различные падежные формы имен. падежом и реже, преимущественно после предлогов, род.-вин. падежом в качестве общей формы. Широкое употребление эта форма находит для обозначения лиц в мн. ч. Последовательно перфектные формы заменяются аористом, сравнительно регулярно краткие прилагательные заменяются полными, а также некоторые местоимения ссоответствующими книжными вариантами. Не является исключением появление инфинитива на месте *да*-форм.

В **четвертом разделе** текст *Рил* подвержен детальному анализу и сопоставлению с текстом второго по значимости историографического сочинения болгарского Возрождения „Истории во кратце“ иеросхимонаха Спиридона. С большой вероятностью можно предположить, что именно оригинал Спиридона Рильского послужил первоисточником *Рил*. Текстологические и языковые различия показывают определенное редакторское вмешательство компилятора и сознательную переработку текста. Автор нового компилятивного сочинения следовал Спиридоновой *Истории* преимущественно в эпизодах о мифических болгарских королях и нашествии турков в Болгарию, но и в остальных частях повествования он искусно вплетает факты, сведения и отдельные сюжеты, заимствованные из Спиридона, составляя свой собственный исторический рассказ.

И по отношению второго основного источника компилятор сохраняет свой стиль заимствования, характеризующий его отношение к „Истории славяноболгарской“. Он умело обобщает, сокращает, дополняет и комбинирует информацию, подчиняя ее единой логике своего повествования, своему представлению о ходе истории. Обобщенно, в сжатом виде переданы отдельные факты и события, пространно описанные Спиридоном. Пропущены подробности и детали второстепенного для повествования характера, автор сознательно пропускает также информацию, показывающую турков в положительном свете, как и горькую правду о

разъединении и междоусобных распрях между болгарами и сербами. Дополнения в занятом из „Истории во кратце“ тексте носят преимущественно уточняющий характер, способствуют логической полноте мысли и выражения, „сглаживают“ рассказ, акцентируют на определенном событии или раскрывают отношение автора, придавая экспрессию тексту.

Единство с остальными частями переработки устанавливается и в отношении языка. Смещение традиционных и разговорных форм и конструкций налицо и в отрывках, заимствованных из Спиридоновой *Истории*, но в этом случае замены направлены от цсл. к общеупотребительным и разговорным языковым элементам. Автор *Рил* воспринимает причастия и причастные конструкции как архаичные и последовательно заменяет их аористными и презентными глагольными формами. Намного чаще наблюдается и замена инфинитива *да-*формами. В именах тенденция направлена к употреблению имен. падежа в качестве общей формы как после предлогов, так и в беспредложной позиции. Притяжательные прилагательные часто вытесняют род. падеж существительных с притяжательным значением, а препозитивные согласованные определения – постпозитивные в сочетаниях прилагательного и существительного. На лексическом уровне в ряде случаев цсл. лексика уступает место общеболгарским лексемам, присущим разговорному языку. И по отношению „Истории во кратце“ для автора *Рил* характерно использование синонимов в рамках цсл. лексической системы и замена турцизмов домашней лексикой.

Вторая глава (Рукописи Рильской редакции „Истории славяноболгарской“ – с. 229-299) посвящена 4 рукописям, показывающим бесспорную близость с *Рил* и образующим единую текстовую семью. В **первом разделе** представлены литературноисторические портреты рукописей, а во **втором разделе** на базе текстологично-языкового анализа доказывается бесспорным способом их генеалогическое родство: *Рильская переработка* 1825 г. является прямым источником *Поп-Иоановой переработки* 1830 г., которая, со своей стороны, становится изводом *Первой Харитоновой переработки* 1831 г. С нее в том же 1831 г. монах Харитон делает второй список – *Вторую Харитонову переработку*, с которой в середине XIX века изготовлен *Гергов список*.

Генеалогия списков подтверждается исключением части *О сербских королях и святых* из всех рукописей, причем автором этого изменения становится поп Иоан. С другой стороны, монах Харитон обогащает историческое повествование тремя главами, отсутствующими в *Рил* и *ПИ* – *Краткая история о болгарском роде, Возбуждение болгарского народа к добродетелям и О ненависти*.

Текстологическое и языковое сопоставление рукописей **Рильской редакции** показывает, что *ПИ* стоит ближе всего к *Рил*. Изменения, внесенные попом Иоаном, незначительны, преимущественно на фонетико-орфографическом уровне, и не затрагивают содержания переработки. В языковом отношении *ПИ* сохраняет соотношение традиционных и народно-разговорных элементов, заданное в рукописи Паисия Рильского.

Самое значительное редакторское вмешательство наблюдается в рукописях монаха Харитона. *XI* становится источником отдельных содержательных разночтений и довольно большого количества стилистическо-языковых замен. Добавления в тексте служат для пояснения,

уточнения и акцентирования значения, причем не единичны случаи, в которых дополнительный текст встречается в автографе Спиридона Рильского. И насчет сокращений самые многочисленные изменения восходят к *XI*. Лексические и грамматические замены направлены к употреблению традиционных, присущих цсл. текстам вариантов, которые из *X2* перенесены и в *НГ*. Сопоставление *Рил* и ее списков на синтаксическом уровне показывает, что переписчики редко меняют синтаксическую структуру своего извода, более свободное отношение демонстрируется единственно к порядку слов в синтаксических конструкциях.

В третьей главе (**Языковые особенности рукописей Рильской редакции „Истории славяноболгарской“ в контексте книжноязыкового развития 30-ых – 40-ых годов XIX века** – с. 300-421) дается характеристика языковых черт всех исследуемых рукописей и делается попытка определить их место и роль в книжноязыковом развитии в первой половине XIX в.

Языковые особенности *Рил* в большой степени определяются языком двух основных источников. Но и в независимых от источников частях, как и в своей целостности язык Паисия Рильского остается в рамках славяноболгарского языка, характеризующегося смешением традиционно-книжных и народно-разговорных языковых элементов. Два основных типа языковых средств – народных и книжных – находятся в различном соотношении на отдельных языковых уровнях сочинения, причем самое стриктное придерживание к цсл. традиции находит проявление в использованной графической и фонетико-орфографической системах.

Язык *ПИ* следует неотступно языковым особенностям *Рил*. И в списке попа Иоана смешение и варирование книжных и разговорных языковых элементов является основным отличительным признаком. Незначительные отклонения от языка источника устанавливаются в слабом увеличении разговорных средств выражения.

Списки монаха Харитона реализованы в рамках славяноболгарского книжноязыкового типа, заданного *Рил* и *ПИ*, но в отличие от языка источников в *X1* и *X2* налицо ярко выраженное стремление к увеличению цсл. языковых средств. В этом отношении славяноболгарский язык рукописей Харитона приближается к языку „Истории во кратце“ иеросхимонаха Спиридона.

Несмотря на то, что является единственным списком, использующим новоболгарскую графику, **язык *НГ*** не отстает от славяноболгарской книжноязыковой модели, характерной для всех рукописей **Рильской редакции** „Истории славяноболгарской“. В своем предпочтении к цсл. языковым средствам Н. Геров стриктно следует своему источнику *X2*.

Последний шестой раздел отведен самой значимой функциональной сфере, в которой находит реализацию славяноболгарский книжноязыковой тип – историографическим сочинениям болгарского Возрождения. В многочисленных списках и переработках „Истории славяноболгарской“ от *Зографского черновика* 1762 г. до последнего списка (в рамках Возрождения) в 1882 г. можно проследить отдельные этапы установления историографического „стиля“ смешанного книжноязыкового типа, как и его участие в становлении книжной нормы болгарского языка.

В **Заключении** (с. 422-425) синтезированы обобщения и выводы всего исследования, которые можно оценить как основной научный вклад работы.

В представленном монографическом труде можно выявить **следующие достоинства и научный вклад исследования:**

1. Актуальность разработанных проблем.

Переработки „Истории славяноболгарской“ представляют собой важный этап в культурноисторическом и книжноязыковом развитии духовной жизни в Болгарии в эпоху Возрождения, они приобретают широкую популярность и превращаются в один из самых активных путей распространения слова Паисия в XIX в. Именно один из списков *Рил – Вторая Харитонова переработка* – становится основой публикаций, которые знакомят научный мир с книжным делом Паисия и дают первые углубленные, поставленные на научную основу исследования „Истории славяноболгарской“. Лишь в 1966 г. Б. Ангелов выпускает в свет текст *Рил*, что „ставит собой целью удовлетворить эту давно назревшую потребность в исследовании и опубликовании хотя одну из переработок“. Несмотря на осознанное значение переработок и необходимость в их изучении, до 2012 г. книга Б. Ангелов остается единственным изданием, которое, вопреки бесспорному вкладу в изучение переработок, не отвечает современным требованиям науки.

Активное изучение и опубликование не изданных до сих пор рукописей, как и накопленные исследования в сфере историографии Возрождения, подчеркивают необходимость в критическом издании переработок по образцу подготовленного критического издания оригинального текста Паисия.

2. Опубликование (с. 442-621) критического издания с наборным текстом *Рил* и разночтениями списков, составляющих Рильскую редакцию „Истории славяноболгарской“.

Настоящее издание отвечает призыву проф. Ал. Бурмова, отправленному по поводу 200-летия „Истории славяноболгарской“ в 1962 г.: „Не менее необходимо также издание переработок Паисиевой истории, сделанное так, как будет сделано издание оригинального текста Паисия. Это издание должно определить основные варианты переработок, дополнения и переделки различных переписчиков и их источников“.

Опубликованное критическое издание дает возможность осуществления более широких и углубленных исследований установления связей между отдельными списками и переработками и способа их восприятия и распространения в эпоху Возрождения. Оно поможет также выяснению их участия в процессе формирования новоболгарского литературного языка.

3. Определение четких границ исследуемого круга рукописей и приведение аргументов для их обособления в т. наз. Рильскую редакцию „Истории славяноболгарской“.

4. Всеохватность и полнота текстологического и языкового анализа исследованных рукописей и убедительная масштабность приведенного иллюстративного материала.

5. Первое в своем роде всестороннее текстологическо-языковое изучение рукописей Рильской редакции.

6. Выявление всех сюжетов, фрагментов, частей и исторических сведений, заимствованных в *Рил* из ее основных источников, и выяснение способа их восприятия и интерпретации.

7. Извлечение из *Рил* информации, комментариев и ссылок, отсутствующих в *Историях Паисия и Спиридона*.

Кроме наличия трех новых по содержанию частей (*О сербских святых, О турецких царях и Разделение болгарской земли на четыре части*) с неустановленным все еще источником, сопоставление выявило следующую дополнительную информацию или отклонения от текста двух историографов, **систематизированные на с. 225-228** в монографии.

8. Сформулирование финальных обобщений и выводов:

1) *Рильская переработка*, составленная монахом Паисием Рильским в 1825 г., становится источником множества рукописей, которые не копируют целиком, а перерабатывают в различной степени текст „Истории славяноболгарской“, дополняя его сведениями или целыми фрагментами из „Истории во кратце о болгарском народе славенском“ иеросхимонаха Спиридона и других исторических источников, что свидетельствует о стремлении к актуализации Паисиевой *Истории* в духе времени, к удовлетворению возросшего самосознания и потребности болгар знать свое прошлое.

2) Компиляция двух историографий эпохи Возрождения превращает *Рильскую переработку* в концептуально новое, единое сочинение, а ее составителя в соавтора Паисия и Спиридона, который в ряде случаев меняет семантическую нагрузку общего послания, надстраивает первоначальную идею своих предшественников-историографов, ставя различные акценты и отправляя дополнительные послания, созвучные с национальным самосознанием болгар в первой половине XIX в. Взаимное дополнение двух *Историй* дает начало значительному числу текстов, объединяющих заряд историографических сочинений Паисия и Спиридона и увеличивающих их воздействие. Обогащенная интерпретация болгарского прошлого видна во включении новых по содержанию частей, информации и комментариев, в использовании новых источников, в достигнутом балансе двух *Историй*.

3) Единственная приписка в рукописи *Рильской переработки*, как и косвенные свидетельства в самом тексте, дают основание предположить, что Паисий Рильский не является ее автором, а списал ее с существующей компиляции. Но именно эта рукопись 1825 г. дает начало значительному числу списков и переработок, которые продолжают жизнь не только Паисиевой „Истории славяноболгарской“, но и почти неизвестному среди современников сочинению Спиридона Рильского „Истории во кратце о болгарском народе славенском“ в пределах и вне Болгарии.

4) Текстологическое и языковое сопоставление рукописей **Рильской редакции** показывает, что *Поп-Иоанова переработка* стоит ближе всего к *Рильской переработке*, а самое значительное редакторское вмешательство устанавливается в списках монаха Харитона. *Первая Харитонова переработка* становится источником отдельных содержательных разночтений и значительно больше стилистическо-языковых замен, которые из *Второй Харитоновой переработки* переносятся в *Геров список*. Литературноисторический и текстологическо-языковой анализ доказывает следующее генеалогическое родство и преемственность рукописей **Рильской редакции**: *Рильская переработка* 1825 г. становится прямым источником *Поп-Иоановой переработки* 1830 г., с нее в 1831 г. Харитон составляет свою *Первую Харитонову переработку*,

с которой в том же 1831 г. делает второй список – *Вторую Харитонову переработку*, ставший, со своей стороны, в середине XIX в. изводом *Герова списка*.

5) Структурные и содержательные изменения *Рильской переработки* и последовавших за ней списков и переработок находят выражение также в языке, но в своих языковых решениях компилятор остается в духе своих основных источников с их гибридным, славяноболгарским языком. Выбор языковых средств, сделанный авторами рукописей **Рильской редакции**, представляет возможный для их времени славяноболгарский язык, отличный от славяноболгарского языка Паисия и Спиридона, в котором находит реализацию представление книжников о сочетании традиционных и народно-разговорных языковых элементов. Направление изменений достигает баланса и единства и в языковом отношении. По отношению языка Паисиевой *Истории* в определенной степени тенденция обращена к включению традиционных книжных форм, преимущественно на фонетико-орфографическом уровне, в то время как изменения по отношению сочинения Спиридона связаны с заменой формами и особенностями разговорного языка.

б) Сопоставление различий в языке списков и переработок Рильского круга рукописей показывает их отношение к языку первоисточников, а также способствует установлению генеалогии отдельных списков. Языковые изменения затрагивают не только наличие или отсутствие вариантов, реализующих противопоставление традиционных и народно-разговорных языковых средств, сколько количественное отношение между этими вариантами. Таким образом в языке *Рильской переработки* и прямо связанных с ней списков синтезируются как книжные элементы, так и народно-разговорные формы наддиалектного характера, которые подготавливают формирование книжноязыковой нормы новоболгарского языка. *Поп-Иоанова переработка* сохраняет соотношение традиционных и разговорных элементов, заданное в рукописи *Рильской переработки*, внося незначительные, преимущественно орфографические изменения по направлению разговорной речи. Самые значимые изменения в языке осуществляются монахом Харитоном в *Первой и Второй Харитоновых переработках*, направленные к употреблению традиционных, присущих цел. языку вариантов, которые из *Второй Харитоновой переработки* перенесены и в *Герова список*.

7) Многочисленные списки и переработки „Истории славяноболгарской“ представляют основную линию в болгарской историографической книжности в эпоху Возрождения. Формирование славяноболгарского языка как специфической структуры с определенными принципами организации разнородных элементов и сферой функционирования и его постепенное обособление в отдельный книжноязыковой тип начинается в сочинениях Паисия Хилендарского и Спиридона Рильского и находит свою реализацию прежде всего в историографических сочинениях до середины XIX в. Эта самая плотная и продолжительная линия на протяжении всего Возрождения формирует историографический „стиль“ в рамках славяноболгарского языка.

8) Исследование *Рильской переработки* и рукописей **Рильской редакции**, непосредственно связанных с ней, способствует выяснению сложной картины связей и преемственности возрожденческих списков и переработок Паисиевой *Истории*.

II. КНИГА, ОПУБЛИКОВАННАЯ НА БАЗЕ ЗАЩИЩЕННОГО ДИССЕРТАЦИОННОГО ТРУДА НА СОИСКАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ СТЕПЕНИ „ДОКТОР“

Езикът на „История во кратце о болгарском народе славенском“ на йеросхимонах Спиридон (1792 г.) (в контекста на езиковата ситуация в България през втората половина на XVIII в.). Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2009, 301 с. Print ISBN 978-954-423-562-8 // Язык „Истории во кратце о болгарском народе славенском“ иеросхимонаха Спиридона (1792 г.) (в контексте языковой ситуации в Болгарии во второй половине XVIII в.)

В центре исследования – характеристика языковых особенностей второго по своей значимости историографического сочинения в болгарской книжности второй половины XVIII в. и определение его места в сложной языковой ситуации в Болгарии в указанный период. **Книга является первым всесторонним монографическим исследованием языка „Истории во кратце“**, который связан в той или иной степени с цсл. языком, сыгравшим, со своей стороны, важную роль в истории болгарского литературного языка. Правильное освещение и интерпретирование взаимодействия между болгарской книжноязыковой традицией, цсл. языком русских печатных богослужебных книг и народным разговорным языком требует более детального и всеохватного изучения языка ведущих книжников эпохи, среди которых, несомненно, находится и иеросхимонах Спиридон. В Болгарии цсл. язык не заменяет и не отменяет домашнюю книжную традицию, а существует и употребляется параллельно с ней, причем во многих случаях эти книжные слои покрываются, что препятствует их разграничению. В силу своего общего происхождения и идентичной структуры среднеболгарские и цсл. письменноязыковые формы объединяются в одну общую „традиционную“ форму, противопоставленную народному языку.

Границы исследования определяются двумя показателями – грамматическими единицами, охватывающими все языковые уровни, и языковой системой, в которой они функционируют, являющейся компонентом языковой ситуации в Болгарии во второй половине XVIII в. Синхронное описание языковых единиц сопровождается сопоставлением с нормами стб. и среднеболгарского литературного языка, с новоболгарским языком в его диалектном многообразии, а также с нормами цсл. языка. Нормативными считаются также варианты, поскольку они кодофоцированы в грамматиках и словарях. Описание и анализ языковых единиц осуществляется на базе предварительной компьютерной обработки всех словоформ рукописи и следует традиционному отнесению к языковым уровням.

Характеристика фонетико-орфографических особенностей в **Первой главе (Графические, пунктуационные и фонетико-орфографические особенности – с. 26-49)** затрагивает правописание и графику тех буквенных и пунктуационных знаков, которые являются ключевыми для определения орфографической системы, из которой исходил книжник. Фонетические особенности рассматриваются в тех случаях, в которых они имеют отношение к правописанию отдельных букв.

Спиридон довольно последовательно придерживается традиционной графической системы, в которой ряд правописных и фонетических особенностей имеет одинаково развитие как в цсл. языке, так и в болгарской рукописной книжной традиции – знаки придыханий и ударений, употребление синонимических букв для обозначения гласных [и], [о] и [у], пунктуационных, надрядных знаков и сокращений, использование отдельных греческих букв, наличие *з*, *ѣ* и *ы* на их этимологических местах, слов и форм с эпентетическим *л*, передача стб. гласных *ж*, *ъ* и *ь* буквами [у], [о] и [е] и исчезновение еров в слабой позиции, соблюдение этимологического принципа правописания и др. Высокий престиж цсл. языка и русских печатных книг в эпоху Возрождения, а также кодификация его норм в большой степени предопределяют принятие цсл. графики и фонетики и следование их нормам. Это подтверждается случаями, в которых автор придерживается особенностей, характерных только для цсл. языка, как употребления - = *я*, еров в конце слова, сочетаний [ор, ер], [ол, ел] и [ро, ре], [ло, ле] на месте слоговых *р*, *л* и *ръ/ръ*, *лъ/лъ*. По правилам предшествующей письменности, отличным от цсл. языка, слова делятся на фонетическом принципе, согласно которому проклитики и энклитики пишутся слитно со словом, несущим ударение; из дамаскинской книжности заимствуется знак *ц* для [дж] и др.

В исследуемом сочинении нашел отражение также ряд народных фонетических особенностей, связанных с изменением гласных и согласных, наступившим в развитии болгарского языка – редукция гласных *а*, *ѣ* и *о* в безударной позиции, наличие гласного [ъ], отмеченного буквами *ъ* и, реже, *ж*, сочетания *ър*, *ъл*, рефлексы стб. гласных - > [е], *ы* > [и], ассимиляция согласных по глухости, диссимиляция сочетания [св] > [сл], эллизия [х], замена предлога и приставки *въ* вариантом *оу* и др. Частое явление в сочинении – использование вариантов, отражающих народные и книжные фонетические особенности, что является отличительной чертой языка книжников эпохи Возрождения, указывающей путь становления единых общепринятых норм формирующегося новоболгарского языка.

Вторая глава (Морфологические особенности – с. 50-149) посвящена изменениям форм и функционированию отдельных морфологических категорий. В сочинении иеросхимонаха Спиридона нашли отражение прежде всего морфологические особенности традиционного книжного языка, но несмотря на стремление автора следовать книжной традиции в „Истории во кратце“ представлен ряд грамматических форм и категорий, отражающих определенные этапы в историческом развитии болгарского языка.

Самые значительные изменения в грамматике рукописи находят выражение в разрушении падежной системы, о чем свидетельствуют многочисленные случаи неправильного употребления падежей в именах существительных, прилагательных, в причастиях, местоимениях, числительных; отсутствия согласования по падежу определений и определяемых; нарушения связи между падежными окончаниями и синтаксической функцией; установления общей падежной формы.

Категория определенности в исследуемом сочинении отражает состояние среднеболгарского книжного языка. Как и в сочинениях книжников Тырновской школы

книжности, имеет значительное место использование постпозитивных форм указательных местоимений и употребление относительного местоимения *иже* в препозиции с детерминирующей функцией. Этот способ выражения определенности, как и широкое использование местоимения 3 л. *той*, отличают язык среднеболгарских памятников письменности от цсл. языка. Типично болгарской языковой чертой является употребление энклитических форм дат. падежа личного местоимения в посессивной функции, как и использование кратких вин. форм 3 л. и их фиксированное положение при глаголе.

Изменения глагольной системы находят различное отражение в сочинении Спиридона – в большей степени они представляют определенные тенденции в функционировании глагольных категорий и в значительно меньшей мере касаются изменения глагольных форм. Разрушение старой системы глагольных спряжений (в зависимости от основы настоящего времени) почти не находит проявления в исследуемом материале – по новому *a*-спряжению отмечено только несколько форм (*гледашъ*, *гледжтъ*, *дѣматъ*). Сравнительно чаще встречаются формы настоящего времени с отстранением окончания: *поустѣ*, *вардѣ*, *повѣгнѣ*, *ѡмсти*, *плѣни* и др. Единичные изменения наблюдаются в парадигме глагола *вѣйти*: *си*, *ѣ*, *са*. Более ограничено отражено изменение окончания *ѡж>ѡа* в формах аориста 3 л. мн. ч., присущего разговорному языку в среднеболгарскую эпоху: *срѣктаѡс-*, *виѡс-*, *ѡварнаѡс-*, *ѡѡѡа* и др. Под влиянием народной речи появляются также такие формы аориста, как *стана*, *мина*, *оузе*, *ѡне*, *поуѣ*, *каже*, *има* и др.

В рукописи нашли отражение определенные тенденции в функционировании глагольных времен, характерные для развития болгарского языка. Особенно активно употребление презентных форм для обозначения прошедших действий в т. наз. настоящем историческом времени, для выражения будущего времени в целевых и дополнительных подчиненных предложениях с союзом *да* и др. Важным свидетельством об истории будущего времени в болгарском языке является наличие форм будущего времени в прошлом, образованных при помощи имперфектной формы вспомогательного глагола *имѣти*.

Несомненно, самое яркое изменение в развитии глагола в болгарском языке, отделяющее его от остальных славянских языков, – это появление системы пересказывательных глагольных форм, образованных на основе старого перфекта, претерпевшего новое семантическое развитие. Многочисленные случаи употребления перфектных форм без вспомогательного глагола получают в сочинении Спиридона несвидетельское значение. В результате реконструкции ненаблюдаемых действий на основе их последствий перфект противопоставляется индикативным формам только по модальности. Категория модуса высказывания неизвестна цсл. языку.

Неличные глагольные формы в “Истории во кратце” отражают состояние, характерное для среднеболгарского периода развития этих категорий – перевес инфитивных форм при сильной конкуренции *да*-конструкций; использование в качестве неизменяемой формы м. р. ед. и мн. ч. (реже ж. р.) действительных причастий и их функционирование как второстепенное сказуемое (часто связанное с глаголом при помощи союза *и*) или как личные формы глагола.

Анализ синтаксических особенностей в **Третьей главе (Синтаксические особенности – с. 150-226)** показывает, что взаимодействие двух основных языковых формаций второй половины XVIII – начала XIX в. находит самое яркое проявление на синтаксическом уровне. Несмотря на стремление автора следовать книжной традиции в выражении синтаксических отношений и перевес синтетических грамматических средств, в сочинении Спиридона находит отражение и аналитическая тенденция в развитии болгарского языка. Самым ярким свидетельством преобразования падежных отношений является разрушение связи между падежными окончаниями и синтаксической функцией, приведшее к установлению общей формы. Расширение предложных конструкций за счет беспредложных сопровождается генерализацией формы имен. или вин. падежей. Показательно в этом отношении употребление имен. падежа после предлогов *ѡ, съ, въ, до, по, на, ѡ*. Тенденция обобщения вин. или имен. за счет косвенных падежей приводит к устранению род. падежа при отрицании, после числительных и особенно после количественных местоимений и наречий, род. партитивного, род. с аблативным значением при глаголах *просити, искати, слышати, видѣти, желати*, твор. падежа при глаголе *владѣти* и др.

В рукописи представлены все основные синтаксические типы предложений (по структуре и функции), присущие современному болгарскому языку. Полнота и большое разнообразие синтаксических конструкций обязана прежде всего влиянию языка традиционной книжности – староболгарской и церковнославянской. Придерживание к традиционной письменной практике находит выражение в преобладании союзных средств, засвидетельствованных в стб./среднеболгарских и цсл. письменных памятниках – *же, таже, иво, оубо, во, аще, тогѡ ради, идѣже, иже, тако/такоже, колико, егда, когда, кто, что, кои, нежели, дондеже, зане* и др. Но в „Истории во кратце“ нашли отражение также особенности, присущие синтаксическому строю разговорной речи: подчеркнутое предпочтение к паратактическим конструкциям, употребление бессоюзно и многосоюзно связанных сложных предложений, незаконченные в структурном отношении конструкции, нечетко отграниченные предложения (и по причине неустановленности пунктуации), отсутствие или неясное дифференцирование союзной связи (по причине нагрузки некоторых союзов дополнительными функциями), употребление эллиптических предложений. С влиянием аналитической тенденции связано увеличение *да*-конструкций преимущественно в подчиненных дополнительных и целевых предложениях, как и случаев с удваиванием дополнения.

Взаимодействие книжной традиции и народно-разговорного языка наблюдается также в порядке слов согласованных определений. Количественный перевес препозитивных определений характерно для новоболгарского языка. Постпозитивный порядок слов, унаследованный из стб. памятников и широко распространенный в книжности XVII–XVIII вв. и в болгарских диалектах, представлен тоже большим количеством примеров в исследуемом материале. Наблюдения над порядком слов в простом предложении показывает тенденцию к более тесной связи частей сказуемого.

Четвертая глава (Характерные черты лексики „Истории во кратце о болгарском народе славенском“ – с. 227-280) уделена изучению лексической системы рукописи. С

функционально-генетической точки зрения лексические единицы обособлены в четыре группы:

(1) Самая многочисленная группа лексем отражает стб. письменную традицию. Это слова основного фонда, в основном праславянского происхождения, в равной степени присущие книжному и разговорному болгарскому языку. Около одной трети этой лексики относится только к книжному лексическому слою – они представлены в письменных памятниках (стб., среднеболгарских и цсл.), но отсутствуют в разговорной речи. Значительная часть этих лексем возвращается в болгарский язык через посредство цсл. языка, другая часть сохраняется только в болгарских диалектах. Отдельные стб. лексемы отмечаются в сочинении Спиридона с измененной семантикой, в большинстве случаев характерной и для современного болгарского языка: *шполчитис-*, *шпрѣтис-*, *кѣтка*, *тѣснота*, *година* и др. С другой стороны, появление новых значений приводит к расширению семантической структуры некоторых слов: напр., глагол *полѣтѣти* обогащается новым семантическим компонентом “устремитесь, понестись”, *вз-* *ти* – “начать”; существительное *дѣша* приобретает новое значение “человек”, *крило* – “сторона, боковая часть” и др. В семантической структуре некоторых староболгаризмов наблюдается изменение под влиянием цсл. языка: *позорѣ*, *предложеніе*, *возвѣдити*, *возмѣтитис-* и др. Такое изменение значения терпят лексемы подчеркнуто книжного характера, отсутствующие в разговорной речи.

(2) Книжным характером обладают также лексемы, отмеченные только в цсл. письменных источниках. Среди них самую большую группу составляют существительные с суффиксами *-нїе*, *-їе*, *-ство*.

(3) Народно-разговорная лексика в „Истории“ Спиридона объединяет слова, не представленные в книжных письменных памятниках, но присущие народной речи в конце XVIII в. Это преимущественно лексемы общеполгарского характера, которые встречаются на всей болгарской языковой территории. Кроме слов домашнего происхождения, в рукописи употребляются и некоторые заимствованные слова, самую многочисленную часть которых составляют турцизмы. О народном характере этих заимствований из турецкого языка свидетельствует тот факт, что в ряде случаев они добавлены автором в полях или внутри текста для пояснения книжных слов и наименований.

(4) В историографии иеросхимонаха Спиридона находит отражение также книжная лексика, проникшая в сочинение из использованных автором источников, написанных на цсл. языке. Это, по всей вероятности, русизмы, лексические новообразования, появившиеся в русском литературном языке XVIII в., а также слова латинского и греческого происхождения, проникшее через посредство русского языка.

С точки зрения **строения слов** анализированы представленные словообразовательные модели и типы. Большинство отмеченных словообразовательных средств имеют книжный характер. Значительная часть использованных словообразовательных типов – напр., суффиксы *-дрѣ*, *-инѣ*, *-ка*, *-ость*, *-ота*, *-ство*, *-їе*, *-ва* (в именах существительных) и префиксы *до-*, *за-*, *из*, *на-*, *ш-*, *по-*, *раз-* (в глаголах) – присуща словам как книжного, так и народно-разговорного происхождения. Композиция как способ словообразования занимает относительно небольшую

долю в языке сочинения. Почти все сложные слова – книжного происхождения, единичны случаи народных лексем. Около одной трети сложных слов проникли в разговорную речь под влиянием домашней книжной традиции преимущественно из дамскинской книжности.

Взаимодействие разных языковых систем на лексическом уровне находит выражение в использовании значительного числа лексических вариантов и синонимов. Эта вариативность средств выражения, которая проявляется на всех языковых уровнях и характеризует язык всей ранневозрожденческой книжности, свидетельствует о гетерогенности инвентаря языковых средств и неустановленности книжной нормы.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и определяется место сочинения в болгарском книжноязыковом развитии. Язык “Истории во кратце о болгарском народе славенском” отличается гетерогенным составом языковых средств, предопределенным в большой степени компилятивным характером сочинения. Устанавливается свободное, немотивированное сочетание традиционных, книжных, и народных, разговорных, элементов. Их соотношение показывает значительный перевес книжных элементов, свидетельствующий об определенном стремлении к целенаправленному следованию традиционной книжной норме. В сочинении иеросхимонаха Спиридона переплетаются последствия двух линий восприятия книжной традиции – преемственности домашней литературно-языковой практики и цсл. влияния. Цсл. влияние проявляется прежде всего в орфографии и фонетике, которые до середины XIX в. воспринимаются как образец, совершенная форма славянского письменного языка, который в сознании книжников эпохи Возрождения отождествляется со стб. языком. Цсл. язык расширяет и активизирует восприятие языковых элементов из традиционного болгарского книжного языка и стб. лексики. Он способствует сохранению, развитию и обогащению нормативной системы среднеболгарского литературного языка, основы которого заложены еще в первых текстах Кирилла и Мефодия.

В работе можно выявить следующие **достоинства и научный вклад исследования**:

1. Предложенная монография является первым полным и всесторонним исследованием языка “Истории во кратце о болгарском народе славенском” иеросхимонаха Спиридона – второго по своей значимости историографического сочинения XVIII в.
2. Отсутствие полного исследования, прослеживающего развитие болгарского книжного языка в период Возрождения, как и наличие ряда неизученных проблем языковой ситуации в Болгарии в конце XVIII в. определяют актуальность и значение работы.
3. Установление письменной языковой системы, послужившей исходным началом „Истории во кратце“, дает дополнительные сведения для выяснения отдельных аспектов языковой ситуации в Болгарии в конце XVIII в.
4. Анализ языковых особенностей сочинения показывает соотношение традиционно-книжных и народно-разговорных элементов и способы взаимодействия между ними.
5. Сделана попытка разграничения (где это возможно) цсл. и болгарских (стб. и среднеболгарских) книжных языковых единиц.

6. Результаты сопоставительного анализа языковых единиц с нормами стб. и среднеболгарского литературного языка, с новоболгарским языком в его диалектном многообразии, как и с нормами цсл. языка, дают возможность определить хронологию и место, которое они занимают в болгарской книжной традиции.
7. Проведенное исследование дает сведения о степени цсл. влияния на болгарский язык на раннем этапе его становления, а также о пути этого влияния.
8. Анализ отдельных грамматических категорий и конструкций и их функционирования в сочинении имеет отношение к определению нормы цсл. языка и границ ее вариативности.
9. Отмечается влияние русского языка в формировании отдельных цсл. языковых особенностей.
10. Конкретный материал может быть использован для выявления специфики функционирования цсл. языка в Болгарии в конце XVIII в., как и для осуществления всестороннего исследования развития болгарского литературного языка в период Возрождения.
11. Намечаются параллели с языком и других книжников (Паисий, Софроний, Й. Кырчовский) конца XVIII – начала XIX вв.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМАТИЧЕСКИМ ОБЛАСТЯМ

III.1. ПУБЛИКАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ТЕМОЙ ХАБИЛИТАЦИИ

Аннотированные работы апробируют отдельные части и концептуальные проблемы монографии, составляющие фундамент исследования. Большая часть текстов формируют структуру научного труда, остальные дополняют важные детали в общей картине разработки.

III.1.1. РИЛЬСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА И СПИСКИ, НЕПОСРЕДСТВЕННО СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ

- Рилската преправка на „История славянобългарска“ на Паисий Николаевич Рилски. // Рилска преправка на „История славянобългарска“ (Рилски манастир, монах Паисий Рилски, 1825). Фототипно издание на оригиналния текст. Преводи. Изследвания. Пловдив: ИК „Жанет 45“, 2018, с. 395 – 412, 449 – 450. Print ISBN 978-619-186-464-5 // Рильская переработка „Истории славяноболгарской“ Паисия Николаевича Рильского.

Научно-исследовательская работа является частью научных исследований к первому фототипному изданию рукописи Паисия Рильского 1825 г., снабженному также переводом оригинального текста на современный болгарский язык, научными заметками и индексом топонимов, этнонимов и антропонимов, подготовленные тоже автором работы. Представлено детальное палеографическое и кодикологическое описание рукописи, анализированы в глубине его структура и содержание, причем дополнены и развернуты данные, схематически отмеченные Б. Ст. Ангеловым в первом (и единственном до настоящего) издании памятника в 1966 г. На базе текстологического сопоставления с двумя историографиями периода раннего Возрождения (Паисия Хилендарского и Спиридона Рильского) специальное внимание

уделяется выявлению принципов компиляции, способу отбора исторических событий и их хронологии, структурированию отдельных частей и композиции сочинения, что превращает его в самостоятельный, концептуально единый, обогащенный и более воздействующий рассказ о болгарском прошлом, давший начало множеству списков и редакций в первой половине XIX в.

- **Рилска преправка на „История славянобългарска“. Индекс на личните имена, топонимите и этнонимите.** // Рилска преправка на „История славянобългарска“ (Рилски манастир, монах Паисий Рилски, 1825). Фототипно издание на оригиналния текст. Преводи. Изследвания. Пловдив: ИК „Жанет 45“, 2018, с. 555 – 582. Print ISBN 978-619-186-464-5 // Рильская переработка „Истории славяноболгарской“. Индекс личных имен, топонимов и этнонимов.

Составленный индекс обогащает издание оригинального текста *Рильской переработки*, освещая упомянутых лиц и исторические события. Представленные данные дадут возможность исследователям быстро и удобно сопоставлять как историческую информацию, так и языковые изменения во всех (известных до сих пор и будущих) письменных памятниках, связанных прямо или косвенно с переработкой.

Индекс личных имен, этнонимов и топонимов составлен в алфавитном порядке заглавных статей, оформленных согласно нормам современного болгарского литературного языка. В каждой статье представлены все словоформы оригинального текста с указанием листа и строки в фототипном издании рукописи. При передаче личных имен в одну статью объединяются словоформы самого имени и притяжательных прилагательных от него, в то время как прилагательные от топонимов и этнонимов оформляют отдельные статьи. Последовательность словоформ в статьях следует парадигме падежных форм (имен., род., дат., вин., твор., мест. и зват.) в ед., мн. и дв. ч.; краткие прилагательные имена предшествуют полным формам. Грамматические пометы приводятся только при наличии омонимических форм, напр., грѣцѣска sg. m. gen.; грѣцѣскимъ pl. dat.; болгарскы adv. и т. п.

- **Преписите на Рилската преправка на „История славянобългарска“ – текстологична и езикова характеристика.** // *Лингвистични проблеми*, Година I, кн. 1, 2019. Благоевград: УИ „Неофит Рилски“, 2019, с. 67 – 74. Print ISSN 2682-9673 // Списки Рильской переработки „Истории славяноболгарской“ – текстологическая и языковая характеристика.

Исходя из текстологического сопоставления и анализа языка *Рильской переработки* (*Рил*) и рукописей *Поп-Иоановой переработки* (*ПИ*), *Первой* и *Второй Харитоновых переработок* (*XI* и *X2*) и *Герова списка* (*НГ*), статья фокусируется на исключительной близости рассматриваемых рукописей как в содержательном плане, так и по отношению структуры и использования средств выражения, что недвусмысленно доказывает их прямое родство с компилятивным сочинением Паисия Рильского. Цель сопоставления не только указать на непосредственный источник каждого из списков, но также выявить их специфические особенности, выяснить причины и основания сделанных книжниками изменений.

Меньше всего текстологических разночтений и языковых расхождений устанавливается в *III*, а совпадение с *Рил* категорически доказывает ее использование в качестве первообраза списка попа Иоана. Изменения, введенные *III*, со своей стороны, повторяются в следующих списках, что подтверждает вероятность о том, что *III* является прямым источником списков Харитона. Многочисленные, особенно языковые изменения, направленные к книжной традиции и ведущие свое начало с *XI*, не исключают наличия другой предшествующей рукописи, тесно связанной с цсл. книжной традицией, но также вполне вероятно, что списки являются делом высокообразованного монаха Харитона. А немало совпадений единственно между *X2* и *НГ* доказывает факт, что Н. Геров сделал свой список с *X2*.

- Преписите от кръга на Рилската преправка (1825) на „История славянобългарска“ – проекция на книжовноезиковите процеси през първата половина на XIX век. // Сб. *Материали III Міжнародного науково-методичного семінару з болгарської мови, літератури, культури та історії* (15-16 травня 2014 р). Збірник тез. Бердянск, БДПУ, 2014. Бердянск: БДПУ, 2014, с. 170 – 173. Print УДК 11.163.2+821.163.2+94+008(045) // Списки круга Рильской переработки (1825 г.) „Истории славяноболгарской“ - проекция книжовноязыковых процессов в первой половине XIX века
- Хибридният църковнославянски език на Рилската преправка на „История славянобългарска“ (и на кръга от преписи, непосредствено свързани с нея) – част от книжовноезиковите процеси през първата половина на XIX век. // *Русистика сегодня: традиции и перспективи*. Юбилейна международна научна конференция (София, 23-25.11.2016). София: Тип-топ прес, 2017, с. 643 – 648. Print ISBN 978-954-723-197-9 // Гибридный церковнославянский язык Рильской переработки „Истории славяноболгарской“ (и круг списков, непосредственно связанных с ней) – часть книжовноязыковых процессов в первой половине XIX века
- Мястото на Рилската преправка и преписите от Рилската редакция на „История славянобългарска“ в книжовноезиковото развитие в България през първата половина на XIX век. // *Славянски диалози*, Година XV, 2018, кн. 21. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2018, с. 37 – 54. Print ISSN 1312-5346 // Место Рильской переработки и списков Рильской редакции „Истории славяноболгарской“ в книжовноязыковом развитии в Болгарии в первой половине XIX века

Языковые особенности объединенных в одну родословную списков и переработок выявляет один из путей формирования новоболгарского литературного языка, промежуточные этапы и направления в его развитии. Общее и отличное в языке *Рил* и списков **Рильской редакции**, схематически представленное в первых двух статьях, развернуто в третьем исследовании. Все исследуемые рукописи выполнены в рамках славяноболгарской книжовноязыковой модели – специфической структуры с определенными принципами организации разногенетичных языковых элементов и сферой функционирования, чье обособление в отдельный книжовноязыковой тип начинается в *Историях* Паисия Хилендарского и Спиридона Рильского (двух основных источников *Рил*) и находит свою реализацию прежде всего в историографических сочинениях до середины XIX в.

Сопоставление различий в языке списков и переработок **Рильской редакции** показывает их отношение к языку первоисточников, а также способствует установлению генеалогии

отдельных рукописей. В целом язык *III* показывает исключительную близость с языком *Рил* в смешении цсл. (книжных) и болгарских (разговорных) языковых элементов, причем незначительные отклонения устанавливаются в слабом увеличении разговорных средств выражения. Самые значительные изменения в языке сделаны монахом Харитоном в *XI* и *X2*, они направлены к употреблению традиционных, присущих цсл. языку вариантов. Язык Харитоновых списков остается в рамках книжноязыкового типа своих источников, но в отличие от них Харитон отдает предпочтение цсл. формам и конструкциям, чем приближается больше всего к языку „Истории во кратце“ иеросхимонаха Спиридона. Несмотря на то, что использует новоболгарскую графику, язык *НГ* тоже остается в рамках славяноболгарской книжноязыковой модели, характерной для всех рукописей **Рильской редакции** „Истории славяноболгарской“. В употреблении цсл. средств выражения Н. Геров стриктно следует своему источнику *X2*.

III.1.2. СЛАВЯНОБОЛГАРСКИЙ КНИЖНОЯЗЫКОВОЙ ТИП

- **Отношение церковнославянской письменной традиции XVIII в. к формированию русского и болгарского литературных языков нового типа. // XI конгресс на МАПРЯЛ Мир русского слова и русское слово в мире (17-22.09.2007, Варна), Том 3. Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов. Функциональные разновидности русского языка. София: Heron Press, 2007, с. 223 – 226. Print ISBN 978-954-580-215-7**

Исследование фокусируется на роли цсл. языка – русской редакции стб. литературного языка – в процессе формирования новоболгарского и современного русского языков. Сделана попытка установить типологию в становлении литературных языков нового типа (национальных литературных языков) в ареале *Slavia Orthodoxa* на основании обособления гибридных разновидностей цсл. языка, представляющих собой книжноязыковые формации нового типа, промежуточное звено между традиционным книжным языком и языковым стандартом нового типа, максимально близким к разговорному языку. Славяноболгарский, славянорусский, славяносербский – это только часть терминов, использованных для обозначения этих смешанных книжных языков. Показана также специфика их формирования в Болгарии и России, предопределенная своеобразием книжноязыковой и культурной ситуации в каждой стране, различными структурными особенностями разговорных языков, определяющими их дистанцию от цсл. языка.

- **К типологической характеристике славяноболгарского языка второй половины XVIII – начала XIX века. // Научни трудове на ПУ „Паисий Хилендарски“, том 48, кн.1, сб. Б. Филология. Пловдив: УИ „П. Хилендарски“, 2010, с. 214 – 221. Print ISSN 0861-0029**

Анализ языковой ситуации в Болгарии второй половины XVIII – начала XIX в. показывает активное участие цсл. языка в реализации этого смешанного типа языка, который сами книжники, осознавая его автономность, называют „славяноболгарским“. Обращается внимание на то, что этот гибридный язык находит проявление прежде всего в историографических сочинениях болгарского Возрождения („Истории славяноболгарской“,

„Зографской истории“ и „Истории во кратце о болгарском народе славенском“), которые отмечают переход от средневековой литературы с характерными для нее церковно-религиозной тематикой и жанрами к новой, секулярной, литературе.

Образование „смешанных“ языков во всех славянских православных странах зависит от соотношения книжного языка и народно-разговорной речи. Именно изменения в разговорном языке определяют состав гибридного языка. В болгарской книжноязыковой традиции к книжным признакам относятся падежные формы имен, синтетические формы степеней сравнения, отсутствие членных форм, инфинитив на *-ти*, простое будущее время и т. д., т. е. признаки, которые отсутствуют в народно-разговорном языке. Различное соотношение книжных и разговорных элементов предопределяет значительную разницу в текстах, созданных на этом смешанном языке – одни из них значительно приближаются к цсл. стандарту по ряду признаков, в то время как другие в большой степени отступают от него, что зависит от индивидуальных возможностей книжника – его языкового опыта, образованности и книжной установки.

- **Функциональный статус гибридных вариантов церковнославянского языка во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. (на материале первых историографий болгарского Возрождения). // Международна научна конференция *Русистика XXI века: традиции и перспективы* (Шумен, 11-12.10.2013). Шумен: Химера, 2013, с. 321 – 331, ISSN 1313-9800**

Путем применения комплексного подхода к исследованию, сочетающего лингвистические (характеристика языковых особенностей) и социолингвистические (реконструкция социокультурной и языковой ситуации) методы анализа, в статье рассматриваются возможности обособления одного из гибридных вариантов – славяноболгарского языка первых болгарских историографических сочинений – в качестве функциональной разновидности цсл. языка. С появлением первых цсл. грамматик в начале XVII в. и особенно с распространением книгопечатания стандартный цсл. язык получает еще одну функциональную реализацию – грамматически регламентированный стандартный цсл. язык, позволяющий создание как богослужебных, так и светских текстов независимо от текстов-образцов. В славянских православных странах общеевропейская идея „простых“ языков осмысливается как сознательный отказ от стандартного, грамматически регламентированного варианта в пользу гибридного, значительно опрошенного варианта цсл. языка в светской сфере вследствие его социального престижа и культурной значимости.

- **Структурно-функционален статус на славянобългарския език на „История славянобългарска“ (към типологията на хибридни варианти на църковнославянския език). // Проглас, 2013, кн. 2, (год. XXII). Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“, 2013, с. 146 – 162. Print ISSN 0861-7902. Online 2367-8585 < <http://journals.uni-vt.bg/proglas/bul/vol22/iss2/>> // Структурно-функциональный статус славяноболгарского языка „Истории славяноболгарской“ (к типологии гибридных вариантов церковнославянского языка)**

- **Структурно-функционален статус на славянобългарския език („История во кратце о болгарском народе славенском“ на йеросхимонах Спиридон).** // Годишна конференция на факултет „Славянски филологии“, СУ „Св. Климент Охридски“, 2013 *Езици на паметта в литературния текст*. Велико Търново: Издателство „Фабер“, 2014, с. 541 – 547, ISBN 978-619-00-0111-9 // Структурно-функциональный статус славяноболгарского языка („История во кратце о болгарском народе славенском“ иеросхимонаха Спиридона)

В представленных статьях анализируются структурные и функциональные особенности языка „Истории славяноболгарской“ и „Истории во кратце о болгарском народе славенском“, на базе которых он может быть обособлен в качестве самостоятельной языковой формации. Славяноболгарский язык двух самых значимых историографий болгарского Возрождения синтезирует свободно книжные и некнижные языковые элементы и представляет собой модель соотносительных систем, которые могут быть расслоены, т. е. могут быть отделены элементы представленных языковых систем с присущей им грамматической семантикой. При разграничении исходных книжноязыковых систем в сочинениях Паисия Хилендарского и Спиридона Рильского особую значимость приобретают именно те различительные признаки, которые реализуют максимальную дистанцию между ними. Такими актуализированными признаками являются определенные грамматические категории в именной и глагольной системах (разрушение падежей и установление общей формы имени, наличие членных форм, совместное употребление синтетических и аналитических форм степеней сравнения, архаичных и новоболгарских местоименных форм и др.; использование инфинитива и *да*-конструкций, наличие причастных форм в функции сказуемого и др.), отдельные синтаксические конструкции (сочетание традиционных союзных средств и синтаксических оборотов, характерных для разговорной речи), фонетические и орфографические особенности.

- **Славянобългарският книжноезиков тип и формирането на историографски стил.** // *Руският класически логос: измерения и посоки*. Юбилеен сборник, посветен на доц. д-р Николай Нейчев. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2019, с. 195 – 207. Print ISBN 978-619-202-469-7 // Славяноболгарский книжноязыковой тип и формирование историографического стиля

В статье прослеживается развитие болгарской историографической книжности от Средневековья до середины XIX в., причем акцент ставится на новую линию в историографии болгарского Возрождения, начавшуюся с появления „Истории славяноболгарской“. Просвещенческие идеи хилендарского монаха противопоставляются средневековым взглядам на историю и отмечают процесс переосмысления средневекового историографического жанра. Переработки „Истории славяноболгарской“ второй четверти XIX в. вызывают к жизни второе по значимости повествование об истории болгар – „Историю во кратце“ иеросхимонаха Спиридона Рильского. Историографическая традиция Паисия продолжается и в первом печатном издании переработок 1844 г. – в „Царственике“ Хр. Павловича. Корпус списков и переработок в их сопоставимости и изменчивости во времени свидетельствует о возрастающих потребностях общества в самоопределении, в утверждении болгарской идентичности. Это обращение к истории подчинено

просветительским и возрожденческим идеям и выявляет процесс постепенной демократизации болгарской книжности не только в содержательном, но и в языковом отношении. Одним из инструментов усвоения новых идей является утверждение в историографических сочинениях славяноболгарского языка – гибридного книжноязыкового типа, содержащего в различных сочинениях в различных пропорциях элементы цсл. языка и народно-разговорной речи.

Смешанные книжноязыковые типы имеют доминирующую роль в период переориентации культурных ценностей, когда зарождаются историография, светская проза и поэзия, грамматическая и научная литература, первые библейские переводы и периодическая печать. Разнообразная книжная продукция, осуществленная в рамках смешанного книжноязыкового типа отличается не только своей жанровой спецификой, но и различной организацией языковых средств как по отношению степени участия разнородных подсистем, так и в зависимости от выбора и чередования отдельных их компонентов. Но несмотря на большие или меньшие отличия все письменные реализации объединяются тенденцией к все более последовательному доминированию народно-разговорной основы.

Историографические сочинения болгарского Возрождения представляют собой самую плотную и продолжительную линию, реализованную в рамках славяноболгарского книжноязыкового типа. В течение 120 лет от появления *Зографского черновика* 1762 г. и *Первого Софрониева списка* 1765 г. до *Банского списка* 1882 г. в многочисленных списках и переработках „Истории славяноболгарской“ можно проследить отдельные этапы вхождения и установления народно-разговорной основы в историографическом „стиле“ смешанной книжноязыковой формации, как и его участие в становлении литературной нормы болгарского языка.

III.2. ПУБЛИКАЦИИ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ТЕМОЙ ХАБИЛИТАЦИИ

III.2.1. ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Христианская (православная) лексика как один из компонентов духовной культуры и ее место в языковом сознании русских и болгар. // X Международен Симпозиум на МАПРЯЛ *Теоретически и методически проблеми на рускиот јазик како иностранско во традиционална и корпусна лингвистика* (8-11.04.2010). Велико Търново: ИВИС, 2011, с. 521 – 524. Print ISSN 1312-3069
- Реминисценции на православието в езиковото съзнание на българите и руснаците (опит за съпоставка). // Първа национална междууниверзитетска конференция *Език, литература, многоезичие* (май 2009). София: Издателство на Нов български университет, 2011, с. 40 – 51. Print ISBN 978-954-535-619-3 // Реминисценции православия в езиковом съзнании болгар и русских (опыт сопоставления)

Представленные статьи объединены анализом устойчивых (воспроизводимых, клишированных) выражений и фразеологизмов с ключевыми лексемами *Бог, Господь, Божий*, зафиксированных в толковых и фразеологических словарях болгарского и русского языков. В первой работе намечены, а во второй дополнены и прецизированы обобщения и

выводы об обыденном, ежедневном восприятии носителями языка христианского (православного) Бога на основании извлечения и интерпретации смысла определенного оборота, устоявшегося в общественном сознании и выкристаллизовавшегося в языке. Значительная часть лексики болгарского и русского языков сохраняет в семантике православные (православно-бытовые) реминисценции – напр., б. *Сбогом!* и р. *Спасибо!*

Путем применения определенных герменевтических процедур сделана попытка обособления и сопоставления отдельных групп устойчивых выражений, отражающих представление о Боге носителями болгарского и русского языкового сознания, что дает основание выявить отдельные аспекты ментальности этих народов. Совпадение значительной части исследуемых единиц связано с общей религией и путем ее принятия, с верой в могущество Бога и в Божью справедливость, но также и с общим первоисточником – Библией и библейскими книгами, имеющими исключительное значение для духовного и языкового развития христианских народов: б. *Бог дал, бог взял; Бог знает; Боже мой; За бога – р. Бог дал, бог взял; Не дай бог; Слава богу.*

Серьезное внимание уделено также расхождениям, первое место среди которых занимают частотность и сфера употребления. Большая активность устойчивых единиц с указанными ключевыми лексемами находит выражение как в разговорной русской речи, так и в русской художественной и публицистической литературе. В стилистическом отношении в болгарском языке преобладают выражения диалектной, разговорно-бытовой, даже жаргонной речи, фольклора: *Шукер на господа; Господ не е скитач, ами събирач; Дървен господ; Хващам/хвана господа за пардесюто; Да идеш на Божи гроб по калцуну.* Не редкость и обороты с негативной коннотативной характеристикой: *От бога росица* (ирон.); *Господи, защо не си прибереш вересиите* (насмеш.).

Различная степень экспрессивности исследуемых единиц в двух языках свидетельствует о неоднотипности менталитета двух народов в их отношении к Богу. Присутствие Бога в обыденных житейских ситуациях рядом с человеком (*С бога съм вечерял*), включение разговорной и бытовой лексики в устойчивые выражения (*Пуцам го на бога вересия*), сердечное и трогательное определение *Дядо Господ* говорит о непосредственном, земном восприятии Бога в языковом сознании болгар, об акцентировании на его человеческих качествах, на его месте в непосредственном окружении человека. Наоборот, в русском языковом сознании выделяется прежде всего его божественная, а не человеческая сущность: *Бог тебе/ему судья; Как Бог свят; Бог (грехам нашим) терпит.* Указанные различия на лингвистическом уровне свидетельствуют об отличиях в народопсихологии и ментальности, причины чего следует искать в генезисе, специфической исторической судьбе, различных культурных влияниях и не на последнем месте в различном книжноязыковом развитии болгарского и русского народов.

III.2.2. ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

- **О лексикографических и лингвистических возможностях исторического модуля будущего сотово-сетевого словаря. // Лексикография. Язык. Речь. Сборник статьи в**

памет на Анна Липовска. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2013, с. 150 – 157. Print ISBN 978-954-07-3495-8

В статье рассматриваются целесообразность, возможности (лексикографические и исследовательские), способы составления и подачи информации в историко-этимологическом модуле будущего всеохватного, объединяющего различные лексикографические модули в единую электронную сеть сопоставительного русско-болгарского словаря, концепция которого разработана талантливым лексикографом и исследователем Анной Липовской и представлена в ее фундаментальном труде „Русско-болгарская лексикография. Традиции и тенденции развития“. Этот словарь нового поколения с максимально полной, всесторонней и структурированной информацией о словах превратится в бесценное хранилище болгарской и русской лексики, обладающее потенциальными возможностями дополнять, усовершенствовать и оптимизировать свой состав. Целью исторического модуля является представление всех изменений слов (семантических, фонетических, орфографических, грамматических и функционально-стилистических) на протяжении всего периода их бытования в системе языка, сопровождающихся систематической иллюстрацией этих изменений с самых ранних фиксаций в памятниках письменности до наших дней. А сравнительно-историческое сопоставление лексических систем болгарского и русского языков прольет свет на переход слов и их значений из одного языка в другой, которые в силу своего исторического развития характеризуются активными процессами взаимодействия и взаимопроникновения. Именно сквозь призму сравнения особое значение приобретает стб. и цсл. лексика в общем словарном фонде двух языков, так как этот лексический слой, несмотря на общее происхождение, обладает специфическими чертами, семантическими различиями, функционально-стилистическими и словообразовательными особенностями в болгарском и русском языках. Включение историко-этимологического модуля в единую сеть сопоставительного русско-болгарского словаря обеспечит его динамический характер, возможность непрерывного пополнения новыми данными об истории слов, прецизирования семантической эволюции и различных стилистических изменений лексических единиц.

Очерчены также и трудности перед осуществлением этого проекта – отсутствие исторического словаря болгарского языка; наличие немало не исследованных с историко-лингвистической точки зрения стб., среднеболгарских и цсл. письменных памятников; недостаточное количество исследований, которые показали бы полную картину семантических различий заимствованной из цсл. и русского языков лексики .

- **К вопросу о динамике языковой нормы (деминутивы и их лексикографическое представление в русском и болгарском языках). // Юбилейна международна научна конференция *Русистика: язык, культура, перевод* (София, 23-25.11.2011). София: Изток-Запад, 2012, с. 139 – 141. Print ISBN 978-619-152-022-0**

Внимание сосредоточено на представлении деминутивных существительных в болгарских и русских толковых словарях и степени их усвоенности языковым стандартом. Являясь одним из основных способов выражения оценки, деминутивы представляют собой живую и

продуктивную категорию, активно пополняющуюся новообразованиями, постоянно возникающими в речи.

Проведенный анализ показывает значительное сходство исследуемой группы слов по отношению как производящих основ, так и словообразовательных формантов. Основное отличие касается принципов и способа их лексикографического представления в болгарском и русском языках. В словниках словарей современного болгарского и русского литературных языков нашли место те деминутивные существительные, которые кроме деминутивного значения приобрели также собственную лексическую семантику: б. *муха – мушица, карта – картичка, казан – казанче*; р. *гора – горка, желудок – желудочек, глаз – глазок*. В русском толковом словаре собственно деминутивы в качестве формально-структурной разновидности производящего слова, не имеющей самостоятельной семантики, размещены в одной словарной статье после основной производящей лексемы (со всеми вариантами уменьшительных суффиксов) рядом с остальными словообразовательными формантами: *анекдот // уменьш. анекдотец, прил. анекдотический; вещь – вещица и вещичка; голова – головушка и головка*. Отмечается значительно большая непоследовательность в представлении деминутивных существительных в болгарском толковом словаре – отсутствуют словообразовательные варианты с уменьшительным значением (напр., *прахче, мушичка, стълбичка*), несистемно включаются деминутивы в словарные статьи (напр., наличие таких форм, как *вадичка, дрешка, камъче* и отсутствие таких, как *нивичка, чашка, огънче*).

III.2.3. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- **Предикативы-каузативы по пути к аналитизму в истории болгарского и русского языков.** // XI Международен симпозиум на МАПРЯЛ *Теоретико-практическо изучение на рускиот јазик и неговото сопоставително-типолошко описание* (3-6.04.2014), Велико Търново: ИВИС, 2014, с. 385 – 389. Print ISSN 1312-3069

Сквозь призму функционально-диахронического подхода в статье рассматривается одно из проявлений аналитизма в истории болгарского и русского языков. Прослеживаются изменения в каузативной предикативной синтагме, специфика развития в сопоставляемых языках по пути ее превращения в аналитическую конструкцию. Каузативная конструкция понимается как языковое средство выражения причинно-следственной связи между двумя ситуациями, когда одна ситуация порождает другую. Экспликативы результативной ситуации в сочетании с глаголом-оператором образуют синтаксически связанное единство, выполняющее функцию предикативного имени с двухсторонней синтаксической зависимостью – от глагола и от прямого дополнения. Исключительная продуктивность этой модели в стб. языке открывает широкие возможности перед формами аккумулятива, что приводит к обобщению вин. падежа в его качестве казус генералис до полного исчезновения флективных форм. Активное употребление каузативных предикативов в истории болгарского языка пополняет ряд глаголов-операторов: *правя, сторя, чиня, карам, турям, оставям, водя, давам* и др. (*сторя го даскал, водя я член на семейството*) даже включением некаузативных глаголов (*изпратя го студент, посрећна я щастлива*). Семантическая обобщенность

операторов позволяет им участвовать в широком кругу контекстов, что показывает довольно продвинутой этап по пути их к грамматикализации. Новая предикативность приводит к изменению синтагматической системы языка и превращению прямого дополнения в органичный элемент предикации, вовлекая в его орбиту новые слова и конструкции.

Каузативные предикативные конструкции со вторым вин. падежом (терминологическое сочетание введено А. А. Потебней) в старорусских письменных памятниках унаследованы из стб. языка. Постепенно в истории русского языка второй вин. падеж вытесняется твор. предикативным падежом и предложно-именными сочетаниями, причем позже всего эта замена наступает в прилагательных и причастиях, что объясняет сохранение форм вин. адъективного падежа как живого явления в разговорном языке и диалектах. В современном русском языке каузативные предикативы отличаются относительно низкой частотностью, ограничиваясь почти исключительно оператором *делать* с перевесом адъективных экспликативных результирующей ситуации: *сделать его героем, землю рыхлой, лицо строгим, блюдо вкусным*; или отдельными глаголами с семантикой „назначение, выбор“: *назначить его начальником, выбрать ее секретарем/в секретари*. Несмотря на определенную тенденцию к расчленению предикативных структур, синтаксический строй русского языка сохраняет свой синтетизм, проявляющийся во флективном словоизменении и развитии подчинительных синтаксических конструкций.

август 2020 г.
г. Пловдив

Составил:
(гл. асс. д-р Атанаска Тошева)